

СПЕЦНАЗ

ДЗЕРЖИНСКОГО

МИХАИЛ КАЛАШНИКОВ

КРАСНЫЙ ДЕМОН

МОСКВА 2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К17

Иллюстрация на обложке *Владимира Нартова*

Калашников, Михаил Александрович.
К17 **Красный демон / Михаил Калашников.** —
Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-180348-3

Профессионального контрразведчика Гаранина экстренно вызвали в губернский отдел ЧК. Задачу ему поставил лично Дзержинский. Вглядываясь в глаза бывшего офицера царской армии, Железный Феликс понимал, что отправляет Гаранина на явную смерть, хотя ничтожный шанс на успех все-таки был.

Контрразведчику поручалось переодеться в форму поручика, под видом вестового генерала Вюртемберга проникнуть в расположение кадетского войска и передать командованию «секретный пакет» с дезинформацией.

Если кадеты клюнут на приманку, то красные смогут разбить их, а заодно и корпус Вюртемберга.

Лишь бы никто из белогвардейцев случайно не узнал в Гаранине сотрудника спецназа Дзержинского...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-04-180348-3

© Калашников М.А., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

В красной луже лежал белый офицер. Лошади с перекошенными и пустыми седлами пронеслись над ним, но пока ни одна его не задела. Перекрикивались всадники, роняли грубые слова вперемешку с матом:

— Живее давай! Да черт с ними... не догнать уж теперь! Коней ловите... оглядите трупы, может, жив еще кто.

Гаранин сознания не терял, не паниковал, в голове его вертелось: «По левой руке полоснул, чувствую точно. А вот досталось ли в бок? Спасибо тебе, Мирон, пометил меня щадяще, как и обещал. Комкор ему лично приказал на меня руку наложить, у остальных задание — меня не трогать, а вырубать мой эскорт. Бедолаги, переодетые в кадетскую форму, они кричали налетевшим чекистам: “Свои! Свои!” Они-то не преду-

преждены были о деле, им сказали сопроводить меня в стан белых, а там прикидываться, пока наши не придут... Пакет не замочить бы кровью, ради него все и начиналось».

Солнце от Гаранина заслонила высокая тень, и он почувствовал, как на щеку его упал клочок пены, остро пахнувший лошадиным потом. Гаранин не вздрогнул, продолжая хранить хладнокровное сознание.

— Этот дышит! — раздалось над ним. — Поднять! Усадить его в седло, довезем к своим!

Гаранина обхватило разом несколько рук, кто-то ловко порол рукав его кителя и бинтовал руку. Гаранин застонал и медленно открыл глаза. Среди мелькавшей формы, амуниции и лошадиных круп он увидел ротмистра в седле, от Гаранина не ускользнула деталь: награда за «Ледяной поход» на его груди. Ротмистр заметил открытые глаза раненого, громко спросил:

— Ваше имя? Ехать верхом сможете?

Гаранин ответил не сразу, изображая действительную потерю сознания:

— Я посыльный из корпуса Вюртемберга... мне велено доставить пакет... срочно... я готов ехать...

КРАСНЫЙ ДЕМОН

И Гаранин в подтверждение своих слов унял шатание в коленях, опершись на плечи помогавших ему солдат, встал ровно, но тут же пошатнулся.

— Скорее коня ему! — прогремел властный голос. — Красные с подмогой скачут обратно!

Гаранину подали чужую лошадь с забрызганной кровью попоной; поддерживаемый с боков и со спины, он неловко взвалил свое тело на седло, тяжело перекинул ногу. Вся кавалькада понеслась прочь. Гаранина поддерживали с обеих сторон двое верховых, он болтался, чувствуя боль в раненой руке. Обернувшись, заметил, что красные и вправду их настигают: постановка должна была проходить со всей правдоподобностью. Обругав себя за переигрывание, Гаранин приобрел твердость посадки, позабыл о боли и умело перехватил поводья здоровой рукой. Лошадь почуяла ловкое управление и шпоры Гаранина. Запаленным голосом он рявкнул сопровождавшим его:

— Отставить! Я сам!

На стороне белых глухо ударило четыре орудийных ствола, Гаранин обернулся: перед их преследователями выросли земляные султаны. Красный отряд с чувством облегчения перестал

имитировать погоню и повернул к своим позициям.

Сопровождавшие Гаранина чуть разъехались в стороны, но не отстали, скакали по бокам. Они направили его в проход между узкой плетенкой из колючей проволоки, проехали по деревянным помостам, перекинутым над траншеями, две линии окопов, провели своего подопечного к брезентовой палатке, скрытой в неглубокой лощинке. У палатки уже толпился остальной конный отряд, «выручивший» Гаранина из переделки. Тут же стояли несколько офицеров, в аксельбантах, усах и с наградами за германскую войну.

Внезапно у Гаранина поплыло все перед глазами. «Должно быть, от потери крови...», — промелькнула мысль, он вынул из-за пазухи пакет, успел освободить ноги из стремян и повалился на бок. Ему подставили руки, он почти не ушибся, промолвил: «Срочное донесение!..» — и закрыл глаза.

Полностью он не отключился, слышал, что куда-то несут, укладывают, тщательно осматривают рану. Гаранин лежал, насторожившись и прислушиваясь: каждое слово, брошенное мимо, может пригодиться, продлить ему жизнь

КРАСНЫЙ ДЕМОН

в этом враждебном лагере. Он ощутил, что его убрали с солнца, занесли в тень, возможно, в такую же брезентовую палатку, какую он видел в лощине. Но даже если так, двери в палатке были распахнуты, он слышал конское ржание, голоса проходивших мимо людей, пение беззаботной птицы, звон медицинских инструментов. С него аккуратно стянули китель и нижнее белье. Запахло йодом и спиртом, вновь его руку тревожили, но теперь по-иному, совсем не как на поле боя. Гаранин сразу понял: пальцы, ухаживающие за его раной, принадлежат женщине.

Он осторожно приоткрыл глаза, обычная милосердная сестра в белой наколке с красным крестом. Обычное лицо. Хотя... в нем мелькнуло что-то знакомое. Или просто показалось. Сестра обработала рану, стала наново ее бинтовать, заметила чужой взгляд на своем лице, без улыбки попросила:

— Не тревожьтесь, закрывайте ваши глазоньки, вам так будет легче.

Гаранин покорно опустил веки:

— Скажите, у меня только рука? Больше нет ран?

— Только ссадины на боку и спине. Опасного ничего нет.

Она доделала свою работу, накинула сверху него легкую простыню, оставив забинтованную руку не укрытой. Через время Гаранин вновь приоткрыл глаза, двух секунд хватило оценить обстановку: он и вправду лежал в палатке с незапахнутыми полами, на походной раскладной койке, в одиночестве. Ему дали покой, но не оставили без присмотра — в этом он был уверен. Из плюсов: рана незначительная, он в сознании и может контролировать обстановку вокруг себя. Минусов пока нет. Зато есть минутка вернуться во вчера, заново проанализировать весь путь и свою миссию.

...Гаранина срочно вызвали в губернский отдел ЧК, благо дорога от фронта была близкая, он поспел к нужному часу — совещание назначилось экстренное. Темная ночь окутала город, то и дело возникали из тьмы патрули, спрашивали пропуск. Тишина разламывалась от редкого собачьего лая на окраинах и тревожного цоканья подков по булыжнику мостовых.

Съехались начальники штабов от обоих корпусов, вся верхушка губернского и фронтового ЧК, товарищ Розенфельд и еще какое-то начальство. Розенфельд приступил к делу:

КРАСНЫЙ ДЕМОН

— По-хорошему, надо кое-кого дожидаться, но не будем — дело срочное. Два часа назад в полосе фронта Казаченко в плен взят вестовой Вюртемберга с целым эскортом. У него ценный пакет.

На этих словах по присутствующим пробежало оживление. Розенфельд продолжал:

— Мы с вами — птицы стреляные, не должны терять голову. Любая информация оттуда, согласно директиве, воспринимается критически, не исключена диверсия. Но и не воспользоваться выпавшим шансом — значит проявить саботаж. Вюртемберг, мы все знаем, отрезан от телеграфа и любой связи на своем плацдарме, а поэтому я считаю возможным, что он выбрал именно такой способ сообщить о себе. В пакете информация о начале прорыва.

Розенфельд сделал паузу, ожидая нетерпеливых возгласов, но выскочек на совещании не было, все напряженно взирали на Розенфельда.

— Вюртемберг, как отрезанный ломоть, долго сидеть на своем плацдарме не может. Эвакуироваться с артиллерией, лазаретами и обозом — ему тоже не по силам, а весь понтонный парк мы у него уничтожили и отняли. Выход у него один — прорыв. В одиночку ему

не выйти, а значит, нужен совместный удар всей кадетской армии в месте удара корпуса Вюртемберга, чтобы они вышли друг другу навстречу. И вот он задумал сложную схему. Посылает вестового, но мало того, что в пакете расписана вся диспозиция прорыва, назначены день и час, на случай, если вестовой попадет к нам, вестовому в устной форме велено передать: завтра в полночь от кадетской армии будет подтверждающий знак — две зеленые ракеты с полуминутным перерывом между ними. С плацдарма этих ракет не видно, но через линию фронта будет послан специальный наблюдатель. Он эти ракеты должен засечь и принести Вюртембергу весть: все в порядке, вестовой достиг своей цели, можно проводить операцию. Схема сложная, но оправданная.

— Товарищ Розенфельд, — поднял руку Гаранин, — разрешите уточнение: нельзя ли услышать обстоятельства того, как попал вестовой Вюртемберга в ваши руки?

— Твой интерес понятен, товарищ Гаранин, надеешься в деталях усмотреть подлинность сообщения или его намеренную обманку. Может, Вюртембергу и удастся незаметно послать со своего плацдарма одинокого наблюдателя

за зелеными ракетами, только не конный разезд в пять человек. Они, выезжая, надеялись на темноту ночи, но она их не спасла. Наша разведка дала им отъехать подальше от своих передовых пикетов, и всех взяли без шума, а самого вестового удалось взять живым, хоть и помятым.

— Можно ли увидеть вестового? — интересовался Гаранин. — Я бы попытался определить степень его фанатичности, преданности Белому движению, из этого следует выводить правдивость слов вестового по поводу условного знака с зелеными ракетами...

— Это слишком долгий процесс, товарищ Гаранин, — оборвал его Розенфельд. — Мы знаем твои выдающиеся способности психоанализа, но ты сюда вызван по другому поводу. Если бы ты, Гаранин, согласился взять на себя роль этого самого вестового и доставить пакет по назначению... Мы имеем возможность выманить Вюртемберга с укрепленных позиций и разделаться с этим его опротивевшим плацдармом, а также нанести ошеломляющий удар основному кадетскому войску... Подумай, Гаранин. Риск велик, но и польза от твоей работы несоизмеримо велика.

Гаранин размышлял не более полсекунды, он поднялся со стула:

— Прикажете остаться в логове белых после исполнения задания?

— Твоя главная миссия: заставить кадетов верить в удар Вюртемберга и выманить их ему навстречу, под наш кулак. Если это удастся — тебе там делать нечего, можешь смело бежать и где-нибудь затаиться до нашего подхода.

Вскочил с места Казаченко:

— Имею слово, товарищ Розенфельд! По-моему, сил у нас недостаточно, чтоб одновременно встречать корпус Вюртемберга и засаду устраивать идущим ему на подмогу основным войскам. Не лучше ли быстренько переделать содержание пакета: им отпишем наступление в такой-то день, а Вюртемберг ударит в другое число, не с ними заодно.

— Глупо, товарищ Казаченко! — резко осадил его Розенфельд. — Во-первых, у нас нет времени переделывать пакет — каллиграфист попросту не успеет. Во-вторых, до плацдарма не такое уж и большое расстояние. По-твоему, Вюртемберг услышит, как в бой пошли основные кадетские войска, и не смекнет, что план его разгадан? Нет, пакет нам переделывать не с руки, бить —

так одним махом обоих. А дополнительных сил затреем...

Розенфельда перебил скрежет распахнувшихся железных ворот, и Гаранин с высоты собственного роста увидел через окно внутренний двор ЧК, освещенный двумя фарами. Автомобиля Гаранин не разглядел, но представил, что он черный, с поднятой крышей, продолговатый и зловещий, как и человек, который в нем ездил.

В начале германской войны Гаранину повезло увидеть живого Нестерова. Это был легкий и подвижный человек, своей стремительной походкой похожий на крылатую машину. Перед самой революцией в окрестностях Могилева он видел неповоротливый гибрид: авто, где вместо передних колес были санные полозья. Гибрид скользил по снегу, плохо управлялся и часто буксовал. На нем возили Николая Романова — в ту пору главнокомандующего армией. Год назад Гаранин увидел знаменитый эшелон «кочегара революции» Троцкого: весь закованный в броню, ошетиненный орудиями и пулеметами, с мощной радиостанцией, ловившей свежие новости со всего мира и тут же печатавшей их в походной типографии, с автомобилем в вагоне-гараже

и цистерной для бензина, с внутренним телефоном и вагоном-баней, с толпами затянутых в красную кожу бойцов. На них все было красное и кожаное, даже буденовки и ремни, словно только что они вышли из кочегарок, растопленных в преисподней.

У автомобиля, въехавшего во двор губернской ЧК, не было никакой помпы, но тут и задача требовалась другая. Гаранин не видел открывшихся дверец авто и выходящего оттуда человека, не слышал притворенной за его спиной двери с черной лестницы, но чувствовал, что прибывший пассажир уже поднимается к ним на второй этаж, а потому не спешил садиться и не тревожил Розенфельда новыми вопросами. Дверь в кабинет скрипнула, участники совещания вскочили. Вошел худой и длинный человек с острой полуседой бородкой, колким холодным взглядом. Он молниеносно окинул им совещание, велел всем садиться. Гаранин продолжил стоять. Вновь прибывший подошел к нему вплотную.

— Феликс Эдмундович, это наш лучший разведчик, — представил подоспевший Розенфельд. — С положением ознакомлен, на фронте уже давно...

КРАСНЫЙ ДЕМОН

— Служили в царской контрразведке? — перебил Железный Феликс Розенфельда, обращаясь напрямую к Гаранину.

— От начала войны до подписания Брестского мира, — молниеносно среагировал Гаранин.

Собеседник прожигал его взглядом:

— Это похвально. Я склонен полагать, что вы ценный сотрудник. Ваши мотивы?

Тут Гаранин растерялся, не вполне понимая суть вопроса. Собеседник помог ему:

— Почему вы пошли с нами? Ведь ваши все по ту сторону.

— Вовсе нет, Феликс Эдмундович, — сказал Гаранин и почувствовал, что у него пересыхает во рту. — Среди военспецов полно бывших офицеров...

Гаранин хотел перечислять громкие фамилии на службе у советской власти, и без того известные Железному Феликсу, затем вспомнил свои мотивы, толкнувшие его после революции в рабоче-крестьянскую армию, мысли бежали вскачь, но собеседник его внезапно развернул на лице приятную улыбку:

— Вы славный сотрудник, я вижу это по вашей искренности. Извините, что забрал у вас несколько минут времени, ведь еще нужно по-

догнать форму. Как вам кажется: успеете до рассвета попасть к ним?

— Не уверен. Вы сами сказали про мелочи с формой и прочее, а еще к фронту надо и там, по местности.

— Что будете отвечать, если вам не поверят? — резал Железный Феликс словами, как бритвой.

— Скажу, что наш пикет заплутал во тьме, пережидали день в плавнях, дожидались темноты и теперь...

— Вы невнимательны, товарищ контрразведчик, — лукаво улыбался собеседник. — Вам надо попасть к белым до сегодняшней полуночи, чтобы предупредить о двух зеленых ракетах, иначе поход ваш будет напрасным. Поэтому придется идти к ним белым днем.

— Я готов. Плана у меня нет, но надеюсь на свой опыт.

Железный Феликс приподнял удивленно брови. Вступился Розенфельд:

— Товарищ Гаранин имеет образование, знает два европейских языка и, согласно старому режиму, обучен манерам.

— Отряд для поимки вестового Гаранина и его эскорта готов? — снова перебил Розенфельда резкий голос.

КРАСНЫЙ ДЕМОН

— Все превосходные наездники и верные чекисты. Предупреждены, что придется рубить своих, но рука у всех твердая — не дрогнет, — сурово докладывал Розенфельд.

Железный Феликс заглянул глубоко в глаза Гаранину и протянул ему ладонь:

— Не теряйте времени, товарищ Гаранин. И мы его терять не будем: с начальниками штабов немедленно приступаем к разработке операции. Я верю в ваш успех.

Гаранин уходил гулким коридором, чувствуя в своей руке горячее пожатие. Комкор шел по левую руку, монотонно втолковывал:

— Мирошку я предупредил, он обещал тебя лично приголубить. Память, сказал, оставлю Гаранину на всю жизнь, но аккуратненькую. Их отряд уже выехал, будет ждать вас у Волчьей пади, там к кадетским позициям близко, должны вас заметить и на помощь прийти. Не будут же они сидеть, когда у них на глазах целый эскорт вырубают?

В предрассветных сумерках Гаранин с передетым в форму белых эскортом, набранным из ничего не подозревавших лапотных мужиков, пробирался плавнями к фронту. Солнце приоткрыло свой край, когда они приблизились

к неширокой промоине, впадавшей в заболоченное русло. «Волчья падь», — догадался Гаранин и щелкнул внутри себя тумблером, будто провернул выключатель потолочной лампы: сделался холодным и собранным. Чекисты бесшумно вывернули из пади, бешено разгоняя коней. Лица несчастных мужиков, переодетых в кадетскую форму, передернуло ужасом.

2

Гаранин лежал в палатке, чувствительный к любому звуку, шагу и движению. Он давно распознал за стенкой мерные шаги часового, оставленного для охраны Гаранина, слушал, сколько пронеслось верховых в одну сторону и сколько вернулось в другую, к нему долетало ленивое лягушечье кваканье, и он понял, что его не потащили далеко от позиций — плавни и болото рядом. Ветром принесло запах пшенной каши, дело шло к обеду. По неутрамбованной, покрытой травой земле подъехала фурманка. Ездовой или человек, сидевший в ней, негромко спросил:
— Аннушка, в город едете?

Из-за стенки соседней палатки приглушенно раздалось: